

Книги Евгения Красницкого
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

ОТРОК. ВНУК СОТНИКА
ОТРОК. БЕШЕНЫЙ ЛИС
ОТРОК. ПОКОРЕННАЯ СИЛА
ОТРОК. БЛИЖНИЙ КРУГ
ОТРОК. СТЕЗЯ И МЕСТО
ОТРОК. БОГАМ — БОЖЬЕ, ЛЮДЯМ — ЛЮДСКОЕ
СОТНИК. БЕРУ ВСЕ НА СЕБЯ

В соавторстве с Еленой Кузнецовой
и Ириной Град

ОТРОК. ЖЕНСКОЕ ОРУЖИЕ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЕВГЕНИЙ КРАСНИЦКИЙ,
ЕЛЕНА КУЗНЕЦОВА,
ИРИНА ГРАД

ОТРОК. ЖЕНСКОЕ ОРУЖИЕ

РОМАН

Москва. 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К78

Серия основана в 1992 году
Выпуск 747

Художник
И. Воронин

Красницкий Е. С., Кузнецова Е. А., Град И.
К78 Отрок. Женское оружие: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.— 441 с.: ил.—
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1074-3

Женский мир... Мужчинам он частенько непонятен, порой раздражает и возмущает, но тем не менее существует независимо от желания «сильной половины» рода человеческого, подчиняясь собственным законам, логике и видению окружающего. Это целая вселенная — со своими конфликтами и дипломатией, званиями и регалиями. Есть в этом мире и свое женское оружие. Как любое оружие, оно может быть опасно, особенно если использовать его без должного умения (а ведь на владение им не требуется получать разрешение, оно у женщин всегда при себе). Освоив его в совершенстве, женщина способна самым радикальным образом изменить жизнь хоть одного человека, хоть целого государства. Не каждая владеет своим оружием одинаково хорошо, есть и такие, которые даже не гадают о его существовании, но... тоже его применяют — порой неосознанно, не отдавая себе в этом отчета, но применяют, и успешно. Разные, одним словом, бывают женщины, двух одинаковых днем с огнем не найдешь.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Красницкий Е. С., Кузнецова Е. А.,
Ирина Град, 2012

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ISBN 978-5-9922-1074-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вам, любезный читатель, книга — попытка показать женскую часть мира, в котором живут герои книг «Отрок». До этого во всех книгах цикла господствовал именно мужской мир и мужской взгляд на него. Иначе и быть не могло — писал книгу мужчина и о мужчинах, тот мир населяющих. Однако без женщин мир «Отрока», как и любой другой, не смог бы существовать, и женщины в нем, безусловно, присутствовали, но показаны они именно глазами мужчины. Их истинные чувства, желания и стремления невольно оставались за кадром, тем более что тогда женщины знали свое место, а на мужское не претендовали.

Просим феминисток и борцов за равноправие погодить кидаться в нас тапками и туфельками, а тайных женоненавистников не спешить зачислять нас в свои дружные ряды. Вначале попробуем разобраться, такое ли уж плохое оно было — это место.

Так уж сложилось, что мы сейчас живем в мужском мире. Можно с этим спорить и протестовать, но пока что факт налицо — наш мир именно мужской. Те женщины, которые становятся в нем министрами-офицерами-президентами, чтобы преуспеть на избранном ими поприще, вынуждены принимать именно мужские правила игры. И принимают, и иной раз превосходят мужчин в чем-то, но, увы, во многом ценой ухода от своего, женского, предназначения. Впрочем, наша привычная система взаимоотношения полов существовала не всегда, и речь тут вовсе не о матриархате, однако мы не имеем в виду и полную бесправность и забитость женщины, которая тоже имела место в прошлом. Вернее, в один из периодов прошлого нашей страны.

Каждой исторической эпохе существования нашего государства — от Руси до России — соответствовала своя особая система взаимоотношений между мужчиной и женщиной, своя степень участия женщины в общественной жизни, ее роль в семье и обществе. Не всегда возможно однозначно оценить изменения в этой системе. Например, бесправие времен Домостроя одновременно освобождало женщину от множества обязанностей и возлагало на мужчину ответственность за ВСЕ, а конституционно закрепленное в XX веке равноправие вызвало к жизни такие, не побоимся этого слова, извращения, как женщина-шпалоукладчик.

Однако, несмотря на все пертурбации и извращения, женский мир продолжал существовать рядом с мужским, зачастую незримо или совершенно непонятно для сильной половины рода человеческого, повинаясь своим внутренним законам, со своими понятиями пользы и вреда, радостями и печальями, конфликтами и даже войнами. Существовал, сохраняя и оберегая то, что мужской мир либо незаметно для себя утрачивал, либо отторгал преднамеренно. Существовал, влияя на мужской мир постоянно и неотвратимо.

Не обходился без потерь и женский мир, вместе с мужским переживая все минувшие смуты и нашествия, голод и эпидемии, революции и регрессы, идеологические и религиозные потрясения. И женщины в массе своей были главной страдающей стороной на протяжении всей истории, но ведь не только страдающей! Так уж получалось, что великие деяния и подвиги, за редчайшими исключениями, совершали мужчины (или они им приписывались), зато женщины тихо и незаметно совершали главное — хранили душу своего народа. Нравственность, обычаи, преемственность поколений, понятия Добра и Зла в их ежедневной, обыденной, а потому малозаметной ипостаси. И еще они всегда были тылом — надеждой и спасением. Принимали уставших от битв и свершений мужей, лечили их раны — телесные и душевные, смягчали гнев и ненависть, не позволяя миру скатиться в бездну войн и саморазрушения. И давали надежду на будущее.

Каков же он — женский мир? Так уж сложилось (опять же исторически), что подавляющим большинством главных ге-

роев в литературе являются мужчины. Нет, есть, конечно, и женские персонажи: Вера Павловна, Анна Каренина, Наташа Ростова, Катя и Даша Булавины, мадам Бовари, Скарлетт О'Хара или мисс Марпл... — список обширен, но в большинстве случаев все героини либо действуют в «мужском мире», либо оказываются жертвами законов этого мира. А мы попытались рассказать о самом женском мире — не воюющем и не противопоставляющем себя мужскому, а гармонично дополняющем его. Авторы лелеют надежду на то, что эта книга заставит читательниц внимательнее посмотреть на окружающую действительность и почувствовать, что женский мир, несмотря ни на что, еще жив и во многих случаях может дать ответы, которые, кажется, невозможно отыскать в том, что сейчас принято называть «жизненными реалиями».

Ну а читателям-мужчинам, возможно, покажется небезынтересным и даже небесполезным путешествие по terra incognita женского мира.

Для достижения своих целей авторы сочли полезным взглянуть на мир «Отрока» женскими глазами. Это не пересказ на иной манер уже описанных в «Отроке» событий, а дополнение — то, что по разным причинам осталось за рамками повествования, но, на наш взгляд, является важным и интересным: взгляд женских персонажей на факты, события и обстоятельства, как правило, почитаемые мужчинами мелкими или несущественными, зачастую незаметные для мужского глаза, а порой и вовсе именуемые «бабьей дурью». Однако на общую жизнь и мужчин и женщин эти «мелочи» или «глупости» оказывают весьма и весьма существенное влияние.

Вот так и появилась на свет книга «Отрок. Женское оружие».

Засим остаемся в ожидании благосклонного мнения читателей,

Евгений Красницкий, Елена Кузнецова, Ирина Град

ПРОЛОГ

Июль 1125 года. Правобережье притока Горыни — реки Случь

Дубравное оказалось большим проезжим, а потому отнюдь не бедным селом. Немаловажной составляющей общего благополучия всего поселения являлся постоянный двор — добротный, окруженный многочисленными хозяйственными постройками. Видимо, раньше он исправно обеспечивал дубравнинцев дополнительными доходами за счет постояльцев, но сейчас, охваченный пламенем, превратился в очень серьезную, почти смертельную опасность.

Нечего было и думать погасить главное двухэтажное здание, оставалось только поливать водой соседние дома, рушить и растаскивать пристройки, чтобы огонь не пошел дальше, и Мишка, что называется, «с чувством глубокого удовлетворения» наблюдал за тем, как быстро и четко действуют на пожаре отроки купеческого отделения Академии Архангела Михаила. Сказались-таки постоянные тренировки, включенные им в программу обучения с благословения воеводы Корнея и при поддержке наставников — к пожарам население сплошь деревянной Киевской Руси относилось очень серьезно. Радовал и урядник десятка — двоюродный брат Петр: он распоряжался уверенно и умело, заражая убеждением в своем праве командовать даже подтягивающихся на помощь жителей села.

Постепенно становилось понятно, что распространиться огню не дадут. Хозяйский дом, на котором уже занялась огнем драночная кровля, раскатали по бревнышку и залили водой из находящегося в углу двора колодца, а на стоявшем с другой стороны не то сарае, не то складе просто провалили крышу, подрубив внутренние опорные столбы и стропила.

Среди общей суеты и криков невольно бросались в глаза своей неподвижностью две фигуры. Отрок Григорий застыл на коленях возле лежащего посреди двора тела хозяина усадьбы, а отрок Леонид стоял рядом с ним с обнаженной головой и, сам того не замечая, то крестился, то утирал льющиеся из глаз слезы.

Убитый хозяин постоянного двора был отцом Григория и братом отца Леонида — туровского купца, приятеля Мишкиного дядьки Никифора. Он единственный из обитателей усадьбы успел вооружиться мечом и щитом и, во главе четверых не то работников, не то родичей, тоже оружных, сумел дать отпор налетчикам — разменял жизнь на жизнь: рядом с пятью телами защитников лежали пять трупов разбойников. Потом, судя по всему, всех оборонявшихся положили лучники. Подло — в спину. А раненного стрелой Гринькиного отца еще и добили ударом меча.

В очередной раз Мишка убедился, насколько переменчива и непредсказуема судьба на Руси в двенадцатом веке, впрочем, как и в любом другом, наверное... А ведь даже и мысли не держал, что придется столкнуться с чем-то подобным, когда планировал этот короткий торговый поход, поддавшись на уговоры настырного Осьмы. Тот после нескольких удачных подобных вояжей по Погорыню все-таки подбил Мишку на экспедицию на правый берег Случи в окрестности Давид-Городка, ссылаясь на прекрасную возможность проверить таким образом в деле все, чему успели научиться отроки из купеческого отделения в прежних своих поездках с товарами, сопровождая приказчиков Никифора.

Такая «проверка» оказалась более или менее приемлемой версией для воеводы Корнея, для Алексея и Анны, да и для всех остальных. Впрочем, Корней с его изошренным умом мог бы, пожалуй, решить, что для такого человека, как Осьма, торговля вразнос по погорыньским селищам дреговичей — слишком мелкое занятие, и опытный, ворочавший в прошлом немалыми делами купец стремится увеличить ох-

ват зарождающегося предприятия, что в общем-то можно было только приветствовать.

Мишка же увидел в стремлении Осьмы выдвинуться к местному торговому, а значит, и информационному центру — Давид-Городку совсем иное. Пока дело ограничивалось Погорыньем, оно оставалось практически в полной воле Никифора. Только его товарами торговали в ратнинской лавке, только его товары развозились по дреговическим селищам, и только в его руки уходили плоды этой торговли. В этом случае Осьма оставался приказчиком — всего лишь приказчиком! Но не того масштаба была эта фигура. Не мог предприниматель такой квалификации, как Осьма, не попытаться включить Погорынье в региональный торговый оборот. А уж в Давид-Городке можно и полезную информацию получить, и нужными знакомствами обзавестись, и собственный, помимо Никифора, бизнес закрутить. В том, что у Осьмы обязательно возникнут подобные намерения, Мишка не сомневался.

Пришлось ехать с экспедицией самому — вроде бы как оценить собственным глазом результаты «проверки» — пускать это дело на самотек Мишка не собирался ни в коем случае. Ну а раз поехал он, то, само собой разумеется, поехал и Немой. Так и получилось, что в путь собрался довольно внушительный отряд: десяток Луки, пятнадцать отроков купеческого отделения, десяток возов с обозниками под руководством Ильи и Мишка с Немым. И вот — прогулялись, называется... Проверка неожиданно оказалась более основательной, чем задумывалось, а вместо торгового получился едва ли не боевой поход, да еще и с «купчатами», коих подвергать опасности ни в коей мере не предполагалось — не за тем ребят в учебу взяли.

А началось все с того, что на дороге обнаружили следы четырех груженных возов и сопровождавших их всадников. Под присмотром следопыта из десятка Луки — Петьки Складня отроки попытались определить количество верховых. Больше для учебы, чем из осторожности — поначалу

никто и в мыслях дурного не держал. Долго толклись, спорили, вспоминая занятия с наставником Стервом, и наконец пришли к выводу: конных было не меньше десятка. Складень уточнил: одиннадцать. Но и тогда еще особо не насторожились. Вроде бы ничего странного — обоз и обоз, а что в сопровождении целый десяток, так, значит, купец осторожный, на оплату охраны не скупится. Беспокойство появилось, когда нашли место их ночевки. И не то обеспокоило, что остановились путники не у дороги, а на полянке в глубине леса (решили же, что купец осторожный), а то, что спальных мест обнаружилось примерно три десятка. Получалось, что возы шли не с товаром, а с людьми! А куда и зачем можно везти под охраной около двух десятков человек, если обоз идет не к Давид-Городку, а от него?

Осьма с Лукой посоветовались, а не послать ли вдогонку странному обозу дозор, но решили зря коней не томить — непонятный караван шел впереди примерно на день пути. Решение это, однако, пришлось изменить, потому что к вечеру наткнулись на место, сильно истоптанное людьми и лошадьми, от которого уходил след уже не четырех, а пяти телег. Тут уже пошло не обучение отроков, а серьезная работа. Петька Складень чуть ли не носом рыл дорожную пыль и в конце концов объявил, что пятая телега сначала шла навстречу обозу, а после истоптанного места развернулась и пошла вместе с ним. К тому же на обочине обнаружили засохшие на траве капли крови.

— Вот смотрите! — указал Складень место на дороге. — Они так старались ехать, чтобы встречный след затоптать!

— Илья! — скомандовал десятник. — Давай своих обозников, лес прочесать надо. Петр, спешивай отроков, пойдете справа от них, чтобы пошире захватить. Далеко не заходите — не дальше чем на сотню шагов. Если не найдете ничего с этой стороны, потом прочешете другую. Складень, ты — старший! Шевелись, шевелись!

Мишка сунулся было идти с отроками, но Немой удержал его, мотнув головой в сторону Луки и Осьмы, оставшихся ждать на дороге — значит, и Мишке, как старшине, место здесь, с командным составом.

Долго прочесывать лес не пришлось — из подлеска выскочил Илья и мрачным тоном сообщил:

— Баба и отрок... оба убитые. Даже ветками не прикрыли, так бросили... шагов тридцать отсюда.

Вопреки Мишкиным ожиданиям, Лука не поехал смотреть находку, а как-то весь подобрался, посуровел лицом и снова начал отдавать распоряжения:

— Отрока Григория ко мне! Быстро! Тихон, возьмешь четверых, пойдешь вперед дозором. Илья, всем верховым собери еды в торока на два дня, и все стрелы и болты, что в обозе у тебя, тоже раздай. Мы пойдем вперед, догонять... этих, а ты с обозом — за нами, и с осторожением. Понял?

— Не впервой. — Илья понимающе кивнул. — Только это... ребятишкам бы убитых не показывать. У мальчишки голова, почитай, напрочь отрублена, а у бабы уши рваные и пальцы рублены, видать, кольца и серьги рвали с нее. Да и зверье уже до тел добралось... смотреть жутко...

— Наоборот! — прервал Илью злым голосом Осьма. — Пускай посмотрят да поймут, с кем дело иметь придется. Торговый поход, случается, настоящей войной оборачивается. Этому и учим! Пусть видят!

«Та-ак, похоже, что нарвались на банду. Если бы конные сопровождали телеги с полоном, то часть пленных обязательно шла бы пешком — место в телегах заняло бы их имущество. Значит, банда, примерно в тридцать рыл — десяток верхами и два десятка в телегах. Встречных убивают... ненужные свидетели? Блин! А дорога-то к Гришкиному селу ведет! Он-то расписывал: село большое, есть постоянный двор, можно отдохнуть и поторговать...»

— Господин десятник, отрок Григорий...

— Погоди, Гринь, — Лука нагнулся с седла к пешему мальчишке, — что по этой дороге дальше будет?

— Версты четыре... может, пять, и будет развилка. Если по левой дороге, то к моему селу... ой!

— Тихон! Готов? — Лука обернулся к племяннику. — Тогда быстро к развилке! Разберешься, куда тати повернули, и гонца к нам! Все. Пошел, пошел!

— За мной, рысью!

— Далеко еще до твоего села? — снова обратился Лука к Григорию.

— Дня два... как идти, если поспешить, то можно и быстрее...

— Да не бойся ты, догоним татей! Оставим обоз и верхами! Успеем!

Лука Говорун ошибся — не успели. Совсем немного, но не успели, зато с тем большим ожесточением накинулись на налетчиков.

Тати, увлекшиеся грабежом, оказались совершенно не готовы к стремительной и безжалостной атаке регулярного воинского подразделения. Село к тому времени разорили уже весьма основательно, но закругляться захватчики явно еще не собирались. «Веселье» было в самом разгаре, когда на головы обнаглевших от безнаказанности разбойников свалился конный десяток Луки Говоруна при поддержке Петькиных отроков с самострелами, доказавших, что в Академии их все-таки не напрасно гоняли в хвост и в гриву эти два месяца. Так что разобрались с татями быстро, вполне профессионально и совершенно не мучаясь вопросами о превышении меры необходимой самообороны. Не успевшие разбежаться и спрятаться в лесу жители села встретили ратников с приличествующим случаем сдержанным восторгом.

На усадьбу и постоянный двор Гринькиного отца — Игната Григорьевича — напали в первую очередь: наверняка основную добычу планировали взять с него, но, судя по всему, получили там достойный отпор. Крепким мужиком был Игнат, иного воина, пожалуй, стоил, даром что купец. Но вот жену свою так и не уберег: Гринькина мать лежала в глубине двора, возле калитки в ограде, — простоволосая, явно наспех одетая, со стрелой в спине — достали, видно, бабу, когда она пыталась убежать. Из полусгоревшего дома вынесли труп старой ключницы с разбитой головой да между забором и сараем нашли старика, хоть и раненого, но живого. Гринька кинулся к нему с надеждой:

— Дед Семен!..

— Гринька, ты?.. — заплетающимся языком проговорил тот, увидев парня, и, тяжело вздохнув, отвел глаза. От него-то и узнали подробности налета.

Напали на них на самом исходе ночи, когда село еще спало, так что застали врасплох. Игнат с работниками, однако, успел выскочить навстречу бандитам — собаки упредили, но, несмотря на это, не все бабы сумели спастись — ключница Параша по старости ногами слаба была, да сколько-то стрелами побили, пока они к лесу бежали. Куда делись хозяйские дочки — неведомо, бог дал — успели в лесу скрыться.

— Найдем, Гринь! — сочувственно сказал Мишка. — Мы своих не бросаем.

Он специально не стал перебивать парня, когда тот перед тем пространно рассказывал про своих погибших домашних — надо было дать Гриньке выговориться. — Сколько у тебя сестер-то?

— Трое. Старшая — Аринка... Арина, она уже взрослая совсем, вдовая, вернулась... вернули ее после смерти мужа, и две младших. Стешке семь лет, Феньке шесть...

Мишка кивал, слушая, как Гринька уже с надеждой в голосе говорил про замужество и вдовство сестры, про ее красоту да про то, какие смешные у него младшие...

— Ну если взрослая, то не пропадут, а мы их потом в лесу отыщем.

— А вы бы в охотничьей избушке у озера ее поискали, — подал голос уже заметно оклемавшийся дед. — Я так думаю, туда она пойдет с девчонками-то. Сама бы и так где в лесу пересидела тут поблизости, дождалась бы, пока тати из села уйдут. А с маленькими она рисковать не будет, уведет их. Какое-никакое там, а жилье.

— Точно, в избушке она должна быть! — оживился Гринька. — Они с отцом да вот с дедом Семеном там по десять дней, бывало, жили в охотничью пору — потом, случалось, на лошадях только и могли добычу вывезти. На всю зиму запасались птицей битой, а зимой — мясом и шкурами. Батюшка Аринку охотой от тоски по мужу погибшему отвлекал — уж очень она по нему убивалась...

— Михайла! — окликнул Мишку ратник Софрон, склонившийся над телом одного из убитых татей. — Подойди-ка сюда!

— Что такое, дядька Софрон?

— Да вот, неладное тут что-то: прочие тати одеты, кто во что горазд, а этот в полном доспехе. Еще одного доспешного наши там положили. — Софрон махнул рукой куда-то в сторону. — А строевых коней одиннадцать. Куда ж еще девять ратников делось?

«А ведь и верно — куда? Похоже, в телегах ехали обычные бандиты, а сопровождал их десяток ратников. Довольно странное сочетание, не находите, сэр Майкл? Впрочем, скорее всего, те ратники набраны из таких же бандитов, разве что рангом повыше — только и хватило их воинского умения, чтобы правильно оценить ситуацию и бежать не к коням, а в лес. Впрочем, чего им те тати, чтобы им помогать, — своя голова дороже, да и светиться не хотели. Скорее всего, из какой-то боярской дружины молодцы с разбойниками спелись. Однако без внимания такое нельзя оставлять».

— Надо Луке сказать, пусть пленных поспрашивает: и верно — нечисто тут что-то.

За околицей села Лука, не испорченный всякими либеральными глупостями вроде гуманного обращения с преступниками или общечеловеческих ценностей, деловито руководил пытками пленных и их последующим развешиванием на всех подходящих деревьях в округе.

Пытки носили не воспитательный, а исключительно утилитарный характер: Лука и Осьма желали выяснить все о схронах и заначках бандитов, которые вполне можно было прошерстить на предмет контрибуции, и о сообщниках банды в окрестных селениях, а возможно, и в самом Давид-Городке. Столь крупный торговый центр просто не мог не привлечь к себе пристального внимания здешнего криминального мира. И естественно, что каждая уважающая себя банда должна была в таком замечательном месте иметь свои глаза и уши.

К сообщению Мишки и Софрона Лука отнесся очень внимательно.

— Во! То-то я смотрю: кони строевые, а ратников нет.

— Двое-то есть, — отозвался Софрон. — Одного наши положили, а того, что у постоялого двора, кто-то умудрился охотничьей стрелой, да прямо в глаз!

— Ишь ты! — восхитился Лука. — Это кто ж тут такой ловкий? Ладно, с этим потом... Ну-ка, погодите-ка их вешать, давайте назад!

Двух пленных, похоже, уже попрощавшихся с жизнью, поволокли назад, от дерева к восседающему в седле Луке.

— Значит, так... хочу вас вот еще о чем спросить...

Самого вопроса Мишка уже не услышал, потому что его внимание привлек подъехавший Немой, державший за шиворот какого-то мелкого мужичка из местных. Как выяснилось, мужичок понадобился ему в качестве «громкоговорителя». Встряхиваемый железной рукой Андрея, тот озвучил следующее сообщение:

— Это самое... ребята ваши в лес побежали. Там один их удержать хотел, так не послушались... а потом этот, — мужичок опасливо покосился на Немого, — меня хватъ и сюда поволок, чтобы известить, значить.

«Блин, наверное, братья за сестрами рванули, и остальные с ними, а Петька их удержать попытался, но не смог».

Андрей, словно прочтя Мишкины мысли, требовательно качнул головой в сторону леса.

«Верно, самим догонять надо, а то Лука потом изведет рассуждениями о самовольстве отроков».

Догнать ребят Мишке с Немым удалось только уже в глубине леса, примерно в версте от опушки. Они топтались на краю небольшого овражка и что-то горячо обсуждали.

— ...Так она через себя погоню пропустила! — объяснял Гришка. — Отсиделись в овражке с девчонками, да как! Прикрылись листьями и ветками, подождали, пока эти вперед ушли, а сами потом тихонько в другую сторону подались. Правду Ленька сказал: как будто ее наставник Стерв научил... И по лесу шла хорошо, правильно, если бы не малые с ней — я бы и не нашел, наверное, а потом и вовсе — по ручью ушли. А тати их и не искали — сами спасались: коней своих бросили, пешими в лес подались. Так по следам выходит. Аринка

девчонок, видать, к охотничьей избушке повела... Как бы тати на них не наткнулись... Надо идти выручать.

Мишка оглянулся на Немого, тот согласно склонил голову, но указал пальцем себе через плечо — назад, в сторону села.

— Урядник Петр! — скомандовал Мишка. — Одного человека послать назад, известить десятника Луку, что мы пошли к охотничьей избушке. Григорий, до вечера успеем назад обернуться?

— Нет, наверное, заночевать придется. Мы туда только к вечеру и доберемся. Для пешего короткий путь есть, но мы-то верхами.

— Значит, так и доложить господину десятнику: «Вернемся завтра».

Дорога оказалась неблизкой, и действительно, только к вечеру они наконец добрались. Зимовье стояло в таком глухом и диком месте — если бы Гринька не привел, им бы и в голову не пришло, что тут есть жилье.

Подходы к избушке загромаждал почти непролазный бурелом, так что пришлось спешиться и, оставив коней с урядником Петром и десятком отроков на месте, осторожно пробираться вперед малой группой. Продравшись наконец сквозь чащу, они разглядели добротное охотничье зимовье, расположенное на небольшой полянке. Рядом стоял приземистый сарай, за ним виднелся стожок сена, под стеной сарая высилась аккуратная поленница, чуть в стороне торчал из земли колодезный сруб.

Немой подал знак «стоять» и принялся внимательно рассматривать открывшуюся картину. Мишка тоже попытался разглядеть признаки присутствия людей на зимовье. Если старшая сестра Григория добралась сюда с девчонками, то, видимо, сделала это очень аккуратно, не оставив заметных следов. Единственное, что отметил для себя Мишка, — это не подпертая колом дверь — свидетельство того, что в избушку кто-то зашел.

«Тропинки нету, трава не примята... Может, сзади подошли?»

Немой, по всей видимости, тоже пришел к такому же выводу и, не выходя на полянку, начал осторожно смещаться влево, намереваясь обойти зимовье, не обнаруживая себя. Только Мишка собрался спросить у Григория, не может ли здесь оказаться каких-нибудь ловушек для незваных гостей, как Андрей резко подался назад, уклоняясь от непонятого предмета, упавшего с ближайшего дерева.

Ничего опасного поначалу не случилось — им под ноги, расколовшись на две половинки, свалилась сверху невесть как попавшая на дерево небольшая глиняная крынка с какой-то шевелящейся трухой внутри, способная нанести травму лишь по чистому недоразумению. Но как раз это-то недоразумение в виде целого роя разъяренных ос, устроивших в ней гнездо, и случилось. Рой явно не одобрял вмешательства спасательной экспедиции в свою личную жизнь и плевать хотел на все мечи и самострелы вместе взятые. С нарастающим гулом осы набросились на ребят, добираясь до тела и яростно жала обидчиков. С воплями парни толпой вывалились на поляну перед домом.

— Не стрелять, вашу... мать! — Мишка сам не понимал, кого останавливает: молодую бабу с луком в руках, появившуюся в дверях дома, или своих отроков, схватившихся за самострелы. Впрочем, все уже и так поняли, что стрелять не надо, да и не до того им было, если честно.

— Бегом сквозь кусты! — опять скомандовал Мишка: Ратников еще в прежней жизни знал, что от пчел и ос надо спасаться, убегая, чтобы хлестали ветки. Отроки рванули так, как никогда не бегали на занятиях. То ли это средство подействовало, то ли ос больше интересовало их разоренное жилище, но рой довольно быстро отстал.

Потом они сидели возле избушки, и Арина пыталась снять у своих «спасителей» отеки от укусов примочками из подорожника и стеблей одуванчиков, собранных меньшими сестренками на поляне: велела мальчишкам разжевать их и прикладывать к пострадавшим местам. Мишке с Немым досталось больше всех: Мишка словил укус в самое веко, и одним глазом он практически ничего не видел, а с Андреем было и вовсе неладно — первая атака роя почти целиком

пришлась ему в лицо. Сейчас у Немого явно начался сильный жар, и Мишка настороженно прислушивался, не сделается ли затрудненным дыхание — средств от аллергической реакции на яд ос он не знал. Арина, судя по всему, тоже прекрасно понимала опасность:

— Стешка, разбери постель и посмотри, чем нам воина укутать, согреть его надо. Фенька, возьми плоские камни, знаешь где, надо их нагреть на огне — к ступням ему приложим. А потом зверобоя и ромашки наберите побольше, пока не стемнело, а липовый цвет сушеный у меня есть где-то немного — отвар сделаем... Ребята, помогите мне его в избушку завести!

Здесь все было как будто в порядке — за Немым присмотрят, надо было подумать о другом.

— Трифон, тебе меньше других досталось, вернись к остальным, — начал распоряжаться Мишка, — скажешь уряднику Петру, чтобы подыскал полянку для ночлега с конями: мы все в избушку не поместимся, заночуют там. Дозор пусть Петр выставит, здесь, сам видишь, все покусанные, им ночь спокойно поспать надо. Два дозора: один будет избушку охранять, а второй — их стан. Да прежде воды из колодца натаскайте — коней напоить. И поите с бережением — в колодце, поди, вода ледяная...

— Миш, да чего там искать-то... Стешка покажет, как коней можно провести на нижний лужок, — неожиданно подавала голос Арина и пояснила, не отрываясь от своих забот о лежащем почти в беспамятстве Андрее: — Там конному по тропке в обход можно пройти, завалы-то на ней не сложно растащить — это со стороны кажется, что вся чаща одинаково непролазная. А прямо за избушкой есть озерцо под пригорком и полянка, там коней и напоить, и выпастить можно — мы всегда так и делали. Чужой эту дорогу не найдет в буреломе, вы только потом за собой опять хворост натаскайте, как было — вот и след заметете.

Ночью Мишка то и дело просыпался, и каждый раз видел, как Арина хлопотала над метавшимся в жару Немым. Обычно в таком состоянии человек стонет, ругается или

что-то бессвязно бормочет, а Немой не издавал ни звука, и выглядело это как-то особенно жутко.

В какой-то момент Арина, менявшая мокрую тряпицу на лбу у Андрея, увидела, что Мишка проснулся, и шепотом посочувствовала:

— Ребятам-то намного меньше досталось, и то они истонались, а ему, бедному, все молча терпеть приходится: ни воды попросить, ни душу отвести не может.

На рассвете Мишку разбудил отрок Капитон — один из дозорных. Он тихо поскребся в заднее окошко избушки и позвал:

— Господин старшина! В лесу есть кто-то... Затаились пока...

— Что значит — кто-то? Где? Сколько? Ты их видел?

— Только слышал. Они тоже, как и мы давеча, через бурелом ломились, видно, по нашим следам. А сейчас сидят там со стороны входа за кустами, переговариваются тихо, но в обход пока вроде не пошли. Мужички. И много их. Не двое-трое, точно. Панкрат к нашим на лужок побег, а я — тебя будить.

— Придурки... Побег он! А приказ от меня получить? Что он уряднику скажет?

«Петька же как услышит, так и попрется сломя голову всем десятком, что у него остался. А что они сделают против взрослых мужей, да еще ратников? Дети, блин, ну дети же! Разве что из-за угла самострелами поддержат в случае чего... Нам же только напролом пробиваться — в избушке они нас перебьют, впрочем, если напролом рванем — тоже перебьют... И окошко махонькое, даже мы не протиснемся. Разве что девчонки...»

— Так... — Мишка высунулся в окно, насколько позволяли его размеры, и зашептал Капитону чуть не на ухо: — Дуй к уряднику Петру, скажешь, чтобы шли сюда бесшумно, себя не обнаруживали и в дело не вступали, пока я не свистну. Повтори!

— Передать уряднику Петру: себя не обнаруживать и в дело не вступать до свиста.

— Исполнять!

Отпустив Капитона, Мишка обернулся и поймал на себе вопросительный взгляд Арины.

— Арина... — Хоть она и была взрослой женщиной, вдовой, уважительно обратиться к ней «тетка Арина» у Мишки не повернулся язык: больно уж молодо она выглядела. — Поднимай тихонько ребят, но не давай им за доспех и оружие хвататься, шуметь нельзя. Не знают тати, что мы здесь, вот и пусть не знают. Андрея будить не надо.

Мишка подобрался к двери и попытался хоть что-нибудь разглядеть в узкую щелочку.

«Да сколько же их... И из избы-то не высунешься — все как на ладони. Хотя... Сколько там было конных? Одиннадцать, кажется? Двоих в селе положили, значит, не больше девяти. Тоже не подарок, но справиться можно, только бы ребята дурака не сваяли. Как бы их на открытое место выманить?»

Отвернувшись от двери, Мишка обвел взглядом отроков и, по-прежнему шепотом, распорядился:

— Не шуметь, громко не разговаривать, доспех не трогать, самострелы к бою. Первые выстрелы: мой, Никодима и Григория, остальные прикрывают. Без команды не стрелять.

— В кого стрелять-то? Их же не видно, — неожиданно подсунулась к ним Арина. Мишка, отвыкший от такой воляности со стороны женщин, поморщился и отмахнулся от нее:

— Ты куда лезешь-то? Иди лучше девчонок в заднее окошко подсади, пусть в лесу спрячутся.

— Тебя дождалась! — неожиданно дерзко ответила она. — Давно уже в схроне за домом сидят — если что, чужие не сыщут. Ты лучше не сердись, а послушай. Они ж не знают, что вы здесь? Ночью конский след могли и не разглядеть, если с другой стороны вышли, да он и не сюда ведет, вы же пешими к избушке прошли. А они сейчас сами беглые, прячутся, им поесть, отдохнуть да раненых перевязать надо. И сколько тут человек и кто они, не знают.

— Ну и что? — спросил Мишка. — Они не знают про нас, мы не знаем про них... если б они на полянку вышли, показались...

— Так и я о том же, — сказала Арина. — Выведу я их тебе. Побьешь?

— Как это выведешь? — удивился Мишка.

— Не волнуйся! Все хорошо будет. Вы только не подведите меня, ребята, когда стрелять начнете... И сами тут не ослепните! — добавила она, непонятно чему усмехнувшись. — Сильно-то не пяльтесь...

Быстро развязала завязки на юбке, так что она упала к ее ногам, скинула одним движением верхнюю рубашу и повой с головы и — ребята и ахнуть не успели — в одной нательной рубашке, с упавшими на плечи тяжелыми косами выскользнула за дверь, едва прикрыв ее за собой. Как раз так, чтоб можно было смотреть, не высовываясь.

А посмотреть было на что. Нижняя рубашка тонкого полотна обрисовывала гибкую и весьма эффектную фигуру молодой красивой женщины при каждом ее движении. Арина, словно кошка, не спеша потянулась на пороге, будто со сна, перекинула себе на плечо вышитую ширинку¹, прихваченную в последний момент, и, легко ступая, пошла по мокрой от утренней росы траве к колодцу, словно и не было вокруг никого в целом свете — ни настороженно смотрящих на нее из кустов татей, ни ошалевших от такого зрелища мальчишек с самострелами в избушке у нее за спиной...

— Товсь! — прошипел Мишка отрокам, догадавшись, что хочет сделать эта безумная баба. — Стреляем снаружи, сразу от двери, первым выхожу я; Леонид и Афанасий не стреляют — подают заряженные.

Тем временем Арина остановилась возле колодца, не спеша распустила лежавшие на высокой груди косы, тряхнула головой, повела плечами, перекидывая волосы на спину, потом поставила ногу на колодезный сруб, подтянула рубашу выше бедра и стала что-то там рассматривать с самым отрешенным видом.

¹ Ш и р и н к а — полотенце.

Зрелище было еще то! Даже Мишку проняло, а уж отроков-то... Кто-то шумно сглотнул, кто-то громко засопел...

«Как они стрелять-то будут? Самострелы в руках гуляют, как у пьяных. Ну дает баба! Ключут, блин, не могут не ключуть!»

Неожиданно Мишка спиной почувствовал, что над ним кто-то навис. Оглянулся — Немой. Встрепанный, с отеком лицом, с налитыми кровью глазами, в руке меч... А Арина наклонилась к сложенной рядом с колодцем поленнице, да так умудрилась, что обтянула рубашкой круглый зад.

И не выдержали такого издевательства тати, ну не могли выдержать! Не таясь в предчувствии скорой забавы, на поляну из кустов с гиканьем и уханьем вывалились семеро. Один — с перевязанной рукой, другой прихрамывает — и туда же! Правда, все при оружии и в доспехах, но на дверь в избушку и не обернулись — обступили Арину полукольцом, а она даже не вздрогнула, не оглянулась, как будто не слышала ничего, так и стояла, наклонившись, и что-то в поленнице искала или вид делала, что ищет.

— Вперед! — Мишка выскочил за дверь, послал болт в одного из татей, не глядя отбросил разряженный самострел в сторону, выхватил ножи, метнул один за другим. Сзади защелкали самострелы отроков. Четверо татей повалились на землю, трое же, так и не дойдя до Арины, резко развернулись, хватаясь за оружие, сразу позабыв про соблазнительницу.

Мимо Мишки, чуть не сшибив его, пролетел Немой, в несколько прыжков оказался возле татей, и тут же один из них скрючился с распоротым животом, а второй, безуспешно попытавшийся парировать удар, рухнул с рассеченной шеей. Андрей дернулся в сторону третьего, но тот уже валялся на землю от Ариного удара топором в спину. Видно, в дровах у нее колун лежал, его и искала там...

«Да, сэра Майкл, сражение было коротким и победоносным, как в идеологически правильном кино про войну. Позвольте вас поздравить, враги повержены добрыми молодцами без потерь в живой силе и технике! Добро торжествует над злом! Ох, а дама-то наша...»

Бледная до синевы Арина оседала на землю, не отрывая застывшего взгляда от колуна, которым она перешибла позвоночник татю. Немой, оказавшийся ближе всех, подался вперед и не дал ей упасть, подхватил на руки и понес к порогу избушки...

«Ну вот: «Я злодея зарубил, я тебя освободил, а теперь, душа-девица, на тебе хочу жениться». А чего? Вполне красивая лав стори могла бы получиться... Это кабы на месте Андрюхи кто другой оказался — его-то не проймешь такими глупостями. А жаль — даром пропадает... Будет вам, сэр, еще двое бандюков где-то болтаются, как там Петька с пацанами? Да, я же свистнуть обещал».

Мишка высвистал сигнал «вперед», прислушался, услышал ответ и скомандовал:

— Григорий, позаботься о сестре и наставнике Андрее, остальные — надеть доспех, вокруг осмотреться надо.

Идти осматриваться не пришлось: на поляне появились отроки под командой Петра. Тот, как и опасался Мишка, вел их в атаку очертя голову, предварительно не поинтересовавшись, что творится около избушки и почему-то совсем не с той стороны, откуда должен был.

— Отбой! Все закончилось! Выставить дозоры! Урядник Петр, ко мне!

Петька быстренько отдал несколько команд, повинуюсь которым отроки двинулись в разные стороны, оглядываясь на валяющиеся возле колодца трупы татей.

— Мы тоже двоих убили, — обрадовал Мишку братец. — Я с ребятами в обход хотел, а они там в кустах в сторонке... Оба раненные были, сюда не дошли. Как ты свистнул, так мы их сразу...

— Приказ у тебя был в обход идти, козлодуй? — сразу вызверился Мишка. — Я чего велел? Или у Капитона на бегу все из головы вылетело?!

— Ну так хорошо же получилось, — сразу сник Петька. — Я думал...

— И о чем ты думал, стратег хренов? Раненные? А что, хоть одного взять живым не могли? Кого теперь допрашивать? Покойников? А сюда как перли? Как быки на случку — глаза

в кучу, рога вперед и на все наплевать! А если б вас тут встретили не мы, а тати? Ты кто — урядник или кухарка? Полководец, туды тебя... Пришел, увидел, застрелил.

Петька было обиженно надулся, но все же пересилил себя:

— Виноват, господин старшина!

— Ладно, Петь, научишься еще, — остывая, Мишка махнул рукой, не в силах больше сердиться на брата — уж слишком сильно накатило на него облегчение от того, что никто из ребят не погиб. — Пока все живы — и слава богу!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Июль 1125 года. Село Дубравное

Столы для поминок пришлось накрывать во дворе — хозяйский дом развален, постоянный двор сгорел, крышу амбара обрушили, а других подходящих строений в усадьбе Ариногого отца не нашлось. Погода, к счастью, стояла спокойная, а со столами и скамьями помогли соседи. Хорошо хоть с угощением затруднения не было — содержание постоянного двора требовало больших запасов еды и напитков, а хранить все это уже не для кого...

День не был постным, и сельский священник отец Геронтий, строго следивший, чтобы поминки, не дай бог, не превратились в языческую тризну, благословил скоромные блюда, да и вообще проявлял меньшую, чем всегда, вьедливость, потому что устал. И неудивительно: отпевать сначала в церкви, потом на кладбище пришлось не один десяток «убиенных рабов божьих», и на скамью за поминальным столом он опустился с явным облегчением.

Арина озабоченно поглядывала на брата — Григорию, впервые в жизни оказавшемуся в роли старшего мужчины в семье, пришлось нелегко. Работников осталось мало, и надо было нанять землекопов, отцу Геронтию заплатить за службу (а торговаться поп умел не хуже купца и не стеснялся этого), да и разоренную усадьбу следовало привести в пристойный вид. Ленька хоть и держался все время поблизости, подсоблял, чем мог, но ведь и у него нужного опыта мало, сам еще такой же отрок. Но и тут их выручили ратнинцы. В делах хозяйственных немало помог Осьма, быстро договорившийся о рытье могил с соседями, а переговоры с попом со-

вершенно неожиданно облегчил Михаил, так смотревший на «батюшку» во время разговора, что тот даже утратил часть своего красноречия. И ведь ни слова не сказал, но Арине, наблюдавшей за ними со стороны, показалось, что у отца Геронтия аж руки чесались, чтобы перекрестить непонятного отрока или даже окропить того святой водой. На всякий случай.

Сейчас Гринька сидел на отцовском месте во главе стола, но вот привычного, безмолвного — одними глазами или наклоном головы — хозяйского руководства трапезой Аринин брат не только не мог повторить, но даже, похоже, и не задумывался над этим.

Сама же Аринка вполне уверенно распоряжалась обслуживающими трапезу бабами, не перекладывая эту заботу на плечи помощницы погибшей ключницы, которую покойница готовила себе на замену. Не потому что не доверяла той — просто суета позволяла хоть на время забыться и не задумываться о свалившейся беде. При всей своей занятости она тем не менее время от времени поглядывала и туда, где в стороне от остальных ратников, как будто возглавляя отроков, сидел Андрей Немой. После всего что довелось им испытать накануне, именно к нему из всех ратнинских мужей Аринка испытывала наибольшее доверие. Несмотря на его внешнюю угрюмость и то, что он совершенно не замечал ее после возвращения в село, что-то привлекало ее в этом суровом воине. Что именно, пока еще и сама сказать не могла бы.

Ухаживая за Андреем в охотничьей избушке, Арина заметила на его горле страшный шрам, а сейчас обратила внимание, что еду он пережевывал медленно и тщательно, а перед этим мелко крошил ножом.

«Ему же, наверно, глотать трудно — горло-то как поранено!»

Она перехватила одну из помогавших ей девок и, указав на Андрея, велела всю пищу подавать ему мелко нарезанной. Питье же подносила сама как самому дорогому гостю, но ни благодарственного кивка, ни какого другого знака внимания почему-то так и не дождалась. Хорошо, еще в детстве бабка-ворожея, принятая в род отцом Игната и взявшая

на себя труды по воспитанию и обучению старшей внучки в семье, научила ее видеть то, что от большинства ускользает, подмечать и по едва заметным движениям понимать истинные, а не показные чувства и желания. Сейчас, глядя на сидящего за столом Андрея, Аринка уловила — каждый раз, когда она подходила, тот подбирался, будто опасность чувствовал. Это было странно и совершенно непонятно, тем более после всего, что довелось им вместе пережить.

А в конце поминок, когда гости уже начали потихоньку расходиться, к Арине неожиданно привязался отец Геронтий.

— Достоинно ведешь себя, вдовица. И трапеза поминальная у тебя христианская вышла, никакой языческой мерзости не допустила. Хвалю!

— Благодарствую на добром слове, отче.

Аринка, хоть и подосадовала в глубине души на настырного батюшку — не мог для нравоучений найти другого времени, будто ей сейчас делать нечего, как с ним разговоры разговаривать, но надлежащим образом скромно потупилась. Бабка и матушка попов не любили, но вести себя так, чтобы не вызывать их нареканий, приучили, да и жизнь со строгой свекровью в православном Турове даром не прошла.

— А скажи-ка мне, вдовица, что ты про этих людей знаешь? Вроде бы и воины, и, несомненно, село наше от великой беды спасли, но... странные какие-то. Опять же отроки с оружием... и прочее...

Ну еще бы они не показались отцу Геронтию странными! Отроками безмолвно командовал немой мрачный воин с неподвижным лицом — ну вылитый скорбный лик на иконе. Старший из отроков (подумать только — подростка старшиной величают!) своим пронзительным взглядом буквально оторопь на священника нагонял. А уж воевода их... мало того, что обликом сущий язычник-нурман, так оказался еще и говорливее самого отца Геронтия! В иное время, может быть, и Аринка бы на эти странности подивилась, но сейчас могла испытывать только благодарность и облегчение от самого их присутствия, тем более что, в от-

личие от священника, кое-что об этих воинах она уже слышала раньше. Когда покойный батюшка решался по совету брата отправить Гриньку на обучение, он все, что мог про тех людей, кому сына доверять собирался, вызнал, а потом и им с матушкой рассказал, где и у кого отроки будут обучаться купеческому делу. И про дальнейшее воинское поселение, где все — ратники прирожденные не первого колена, и тем живут, и про Михайлу, внука ратнинского сотника, многое сказывал: как тот нынешней весной удивил своим умением весь Туров и даже самого князя с княгиней — молод, но разумен не по годам. Вот уж действительно — необычный отрок! И чувствуется — воин уже, мальчишкой назвать язык не поворачивается, а в глазах... в глазах вообще ей почудилось что-то такое, что мурашки по спине пробежали. А ведь кабы не этот Михайла с отроками и наставник Андрей — не жить ей с девчонками! Страшно подумать, что было бы, появись тати в избушке, когда они там с сестренками втроем обретались, без всякой защиты... Прочие же странности ее и вовсе мало волновали — если уж батюшка этим людям обучение Гриньки доверил, то на кого же еще ей теперь положиться? А что там отец Геронтий думает — ее не касается, он-то о своем печется.

Во время беседы священника и ратнинского десятника Аринка несколько раз как бы случайно прошла мимо. Сначала-то разговор вроде был понятен: батюшка деликатно намекал на десятину с захваченной добычи, но потом... Нет, видно, не зря Лука носил прозвище Говорун! Он все говорил, говорил, говорил, отцу Геронтию все реже удавалось вставлять в разговор хоть словечко, а сама беседа отклонялась в разные, порой совершенно неожиданные стороны — Лука даже что-то чертил прутиком на земле. В конце концов лицо священника начало приобретать какое-то туповато-сонное выражение, и удалялся он после окончания беседы походкой несколько нетвердой. Хоть и трезв был совершенно.

— И скарденность у них, увы, удручающая, — продолжал между тем вздыхать отец Геронтий. — Я понимаю, десятина... у них свой приход есть, свой храм, свой пастырь, но

молебен-то благодарственный за одоление супостата могли бы и заказать. Ты бы, вдовица, намекнула их начальным людям.

— Намекну, отче. Не знаю, прислушаются ли, но намекну.

«Ага, делать мне боле нечего, как о твоём прибытке печься. Нешто у меня совсем ума нет, в таком деле мужам в глаза лезть? Только шуганут — и правы будут. Сам уж старайся, отче, ты это хорошо умеешь...»

— А с хозяйством что думаешь делать? Братец-то твой молод еще, управится ли? Или сама вознамерилась?

— Да уж и не знаю, отче. Тягота-то какая... С братом надо переговорить, у знающих людей совета спросить...

— Истинно, истинно, вдовица. У знающих людей, да не просто знающих, а к тебе и к твоему семейству душевно благорасположенных, кто дурного не посоветует.

«У тебя, что ли? Ты советовать любишь...»

А святой отец явно клонил к чему-то:

— Однако же не забывай, батюшка твой, Царствие ему Небесное, пожелал, чтобы братец твой выучился, а воля покойного священна. Учебу Григорию бросать не след. А тебе самой такое хозяйство из разрухи поднимать... Мыслимо ли?

«Ой, отче, что-то ты сам себе перечишь... то люди они странные и подозрительные, а то — учебу брату бросать не след... Учится-то он как раз у этих «странных и подозрительных»... Не желаешь, чтобы Гринька тут оставался? Почему, интересно? И к чему ты меня подводишь-то? Хочешь, чтобы я сама спросила? Спрошу...»

— Ой, батюшка, за хлопотами-то и подумать о том еще не успела. Гриша-то молод совсем, неопытен. Может, ты мне что подскажешь?

И сразу поняла — отец Геронтий только того и ждал. Ради этого и весь разговор затеял, похоже:

— А не продать ли вам и усадьбу, и дело купеческое? Выучится Григорий, будет с чем свою торговлю начать. Ты подумай, желающие откупить найдутся. А я прослежу, чтобы вас не обидели.

«Это что же за желающие такие? У нас в селе никто не сможет. Со стороны кто-то? Неужто сторонние люди про нашу беду уже проведать успели?»

— С решением не тороплю, но ты подумай, подумай...

Ближе к вечеру, когда вымотанная тяжелым днем Аринка мечтала только добраться до постели и не знала еще, где ту постель для себя и сестренки пристроить, к ней подошел Ленка.

— Арин, ты как, на ногах еще держишься?

— Вроде стою пока. А в чем дело? Стряслось еще что?

— Да нет, ничего не случилось. Поговорить тебя зовут.

— Кто?

— Свои все: мы с Гришкой, наш урядник Петр и Михайла. Он тебя позвать и велел.

Незадолго до этого Аринка видела, как Михайла долго и серьезно обсуждал что-то с десятником Лукой, Осьмой и Андреем Немым. Видимо, они что-то решили, и теперь старшина Младшей стражи собирался рассказать об этом семейству Григория. Удивительно только было, что и ее, бабу, на совет пригласили. Хотя отроки все-таки, не взрослые мужи, и опыт Гриньки не шел ни в какое сравнение со знанием жизни Арины, успевшей побывать замужем за туровским купцом, да и разница в возрасте в шесть с лишним лет — тоже не пустяк.

— Значит, так, други любезные, — начал Михайла, дождавшись, пока Арина скромно пристроится с краешку, — не простые тати на вас напали. На вас, на вас, не удивляйтесь. Целью их было не село, а именно ваша усадьба, а остальным так, заодно уж досталось. Почему? А скажи-ка, Петя, с чего это батюшка твой послал тебя учиться водить обозы по суше, хотя главная торговля у нас всегда по рекам идет?

— Ну так по рекам-то все торгуют, иной раз на воде толкотня бывает, как на торжище. А всякому желательно торговать так, чтобы других купцов рядом не было. Оно и выгоднее, и спокойнее. Вот батюшка и измыслил ставить в конце водного пути острожек, запасть там товар и вести торговлю

вдаль от воды из этого острожка. А для этого надо обозы по суше водить.

— А теперь ты, Гриша. Не тем ли самым занимался ба-тюшка твой через свой постоялый двор?

— Ну не точно так, но похоже. Тут ведь какая хитрость была. — Григорий немного поколебался, но все-таки решил рассказать. — Примерно в неделе пути от нас, а может, дней в десяти кончаются Туровские земли и начинаются Киевские. Удобного водного пути к ним нет, и киевские купцы туда не добираются — далеко, да и не выгодно.

— Ага, а если нет купцов, то нет и княжеских мытников! — Михайла понимающе усмехнулся и неожиданно вперился взглядом в лицо Арины. — Так?

Она от неожиданности сначала кивнула головой в ответ, а потом уже подумала, что, может быть, признаваться в этом и не стоило. Михайла же, пробормотав непонятное слово «контрабанда», заговорил вроде бы совсем о другом:

— Мы с десятником Лукой и наставником Андреем коней и доспех татей внимательно рассмотрели. Очень интересная вещь получается: большая их часть — те, что на телегах приехали, — обычные разбойники, а вот те, что верхами заявили, больно уж ухожены, не на татей, а на дружинников похожи, либо княжьих, либо боярских. Вот и заинтересовались мы: чьи же это дружинники тут у вас разбоем занимались? Кто и для чего их на такое дело послал? Ну кто что по этому поводу думает?

Аринка вежливо подождала, пока выскажутся отроки, но мужская часть совета молчала, и она тихо спросила:

— Выходит, в сговоре они были?

— Верно. А в чем смысл этого сговора?

— Ну не знаю... неужто мы кому дорогу перешли? Не верится что-то.

— Понимаю. — Михайла согласно покивал головой. — В плохое всегда с трудом верится. Ну что ж, придется мне кое-что вам объяснить. Для вас тати — воплощение зла; какое бы зверство они ни совершили, вас это может испугать, разозлить, возмутить, но не удивить. Тати — они тати и есть, и добра от них ждать нельзя. Для самих же злодеев все это вы-

глядит совсем иначе. Для них грабеж — это работа. Работа лихая, но трудная и опасная, требующая умения и храбрости. Один удачный налет может ватагу долгое время кормить, а потому работу эту надо делать дружно, со тщанием и не отвлекаясь. Так что если грабить — то только грабить, молодых баб да девок помять — уже лишнее, и ватага на это смотрит недобро, ну разве что уж совсем изголодались, давно женщин не видали. Убивают же только тех, кто сопротивляется. Среди татей любителей кровь проливать мало, да и те долго не живут. А уж поджигать — все равно что резать курицу, которая золотые яйца несет, в другой раз сюда уже не придешь. Так что убивают и жгут только тогда, когда хотят, чтобы место то было пусто. Это более войне, а не грабежу пристало.

— Так ты же сам сказал, что здесь дружинники были, — недоуменно произнес Григорий.

— Да, сказал, но где жгли и убивали? Только в вашей усадьбе. По всему селу больше ни одного убитого и ни одного поджога.

— Так батюшка как раз и сопротивлялся.

— А женщины? И несколько работников ваших, которых в спину стрелами побили? Они же убежали, какая от них опасность? Значит, было где-то и кем-то решено: месту сему быть пусто. Не всему селу, а только вашей усадьбе. Выходит, что права твоя сестра, Гриша: перешли вы кому-то дорогу. Кто-то на ваше дело купеческое глаз положил и захотел от вас, как от соперников в том деле, избавиться.

— Так вот почему отец Геронтий со мной заговорил! — охнула Арина. — Кто-то наше дело откупить хочет... И не наш человек — со стороны, у нас это никому не подъемно. Только что-то уж больно быстро про нашу беду сторонние люди проведали...

Станный все-таки отрок Михайла. Вроде бы ничего особенного Аринка им и не сказала, а он глянул так, словно изумился ее уму и знаниям. Да еще и на словах подтвердил:

— Умна у тебя сестра, Гриша, умна-а...

Велика ли корысть с похвалы мальчишки? Однако услышать ее из уст именно этого необычного отрока было очень

приятно... странно даже. Аринка невольно оглянулась и с некоторым удивлением поймала себя на мысли: может, наставник Андрей поблизости где, может, расслышал похвалу? А Михайла между тем продолжал:

— Только не ПРОВЕДАЛИ, как мне думается, эти самые сторонние люди про вашу беду, а ЗАРАНЕЕ ЗНАЛИ. Вот и получается, что выгоду сухопутной торговли батюшка твой, Петя, не первый понял. И еще: тот, кто задумал дело покойного Игната перехватить, крови не боится, и сила воинская у него есть. Понимаете теперь, — Михайла поочередно взглянул на Григория и Арину, — что вам здесь оставаться и продолжать отцовское дело никак нельзя? Мы же не каждый день мимо вашего села проходить будем.

От негромкого, но уверенного голоса Михайлы у Аринки перехватило дыхание.

«Крови не боятся!» Сколько человек уже положили... и еще положат. Гриша не справится — сам мальчишка еще... и малявки... Господи, что ж делать-то?»

— Значит, продавать, — сказал как отрубил Михайла. — А вас к себе заберем. Григорий пусть спокойно доучивается... ну и тебе, Арина, тоже какое-нибудь дело найдется. Пропасть не дадим.

И сама не поняла, с чего это вдруг мелькнула радостная мысль:

«С Андреем вместе поеду».

Вслед за тем навалилось понимание — это ж сколько хлопот-то предстоит, Господи, подумать страшно! Жизнь заново начинать придется. И тут же откуда-то накатило:

«Разве это жизнь была? Что после смерти Фомы видела? Пустота одна... Чего ждала? На что надеялась?»

И опять:

«Андрей!»

Бестолковые и сбивчивые Аринины мысли прервал голос Григория:

— А мы вот как раз и посмотрим, кто это «со стороны» такой резвый, что наше дело перекупить уже подсуетился? Да наведемся к нему, да спросошаем...

Аринка взглянула на брата и передернулась — такое ожесточение звучало в голосе обычно добродушного Гриньки.

— Ну это вряд ли, — прервал изложение кровожадных планов Михайла. — Перекупать наверняка через третьи руки будут, а заправлять делом не сам хозяин станет, а какой-нибудь тиун либо купчишка из мелких, в полной власти хозяина пребывающий. Так что этих расспрашивать, скорее всего, бесполезно окажется. Однако посмотреть незаметно, в чьи руки дело перешло, нам никто не мешает. А вот когда убедимся, что виновника всего этого злодейства точно нашли, тогда и наведемся. Мы тоже крови не боимся, а рассчитаться за своих Младшая стража своей обязанностью считает. Ну что, на том и порешим? С нами едете?

— Да, едем, — решительно заявил Григорий. — А вот когда дознаемся, кто это все сотворил... так не только с ним посчитаемся, но и с Геронтия найдем что спросить.

— А вот это ты зря, Гриш. — И снова Аринка поразила тому, как не по-отрочески говорит и смотрит Михайла. — Пастырь ваш не только о себе печется. Подумай-ка: большинство людей занято мыслями только о себе, о своей семье и своем хозяйстве, и очень немногие способны думать о всем селе сразу. Отец Геронтий один из этих немногих, а может быть, и единственный. Да, подталкивал вас продать хозяйство и уехать, но это значит, что разбойничьих налетов на село больше не будет! Да, новый хозяин ваше бывшее семейное дело восстановит и поднимет, и выгоду, которая могла бы быть вашей, себе заберет, но ведь это не даст селу зачахнуть. Ты только прикинь, какая прибавка к благосостоянию ваших односельчан проистекает от постоянного двора и проходящих через него купеческих обозов. Ты об этом подумал? А отец Геронтий это в расчет принял!

— Так что же, ради этого сирот с родного подворья выпихивать? — возмутилась Аринка.

— Понимаю, обидно, — согласился Михайла. — Только ты положи на одну чашу весов нескольких человек, которых вовсе не оставляют нищими и не изгоняют как извергов, а на другую — благополучие всего села. Что перевесит? — Михайла обвел вопрошающим взглядом своих собеседников и опять произнес не очень понятное: — Управленцу, бывает, приходится принимать и ТАКИЕ решения.

— Но все равно... — не сдавалась Аринка. Хоть она и понимала беспощадную правоту Михайлы, но смириться так сразу с этим не могла. — Свой-то интерес он тоже не забывает!

— Само собой, — не стал спорить старшина Младшей стражи. — В благополучии села и он кровно заинтересован. Батюшка-то у вас женатый, семейством обременен. Ему нужно не только паству блюсти и храм божий в порядке содержать, но еще и семью кормить. Но и это не самое трудное. Ты попробуй каждый день, каждый час, каждым словом, каждым поступком являть окружающим пример праведной жизни. Ведь со всех сторон смотрят, все подмечают, обо всем судят. — Михайла немного помолчал и вдруг со странной злостью добавил: — И ни черта же не понимают! Думаете, хоть кто-то догадался, что пастырь ваш сейчас спасает село от повторного налета? И наплевать ему, что сам он при этом не лучшим образом выглядит! Так тоже можно себя в жертву приносить — запомните это!

Все присутствующие, включая Аринку, изумленно вытаращились на Михайлу, не зная, чему больше поражаться — смыслу услышанного или неожиданной горячности, с которой это было произнесено.

«Господи, да сколько ж лет на самом деле этому мальчишке? Не отрок — старец умудренный! Это что ж получается: я перед батюшкой скромницей прикидывалась, Лука Говорун его до головокружения забалтывал, Гриша на него злобился, и только Михайла стоял в сторонке, помалкивал, все понимал и сочувствовал отцу Геронтию! Единственный из всех».

Весь следующий день ушел на сборы. Отроки помогли окончательно раскатать полуразрушенный дом — так в нем легче было отыскать и собрать уцелевшие вещи, необходимые для устройства на новом месте. Спасшиеся работники обоего пола сначала собирали в кучу, а потом укладывали на телеги скарб. Соседские мальчишки пригнали пару принадлежащих семье козочек редкой породы. Дело нашлось всем, но всюду требовался хозяйский пригляд, Аринка буквально сбивалась с ног, но была этому только рада — не оставалось

сил и времени на горькие думки и сомнения, столько всего надо было сделать, собрать, предусмотреть да решить, как поступить с тем, что придется оставить.

С молодыми хозяевами уезжали дед Семен и Ульяна, оба теперь уже бывшие холопы, получившие вольную. Григорий при свидетелях разорвал грамотки с их кабальными записями, но они не захотели оставаться на пепелище. Дед Семен, к счастью, оказался не так уж и тяжело ранен, просто по голове получил, а потом тати про него и вовсе забыли. Муж и сын Ульяны погибли рядом с хозяином, и она до сих пор еще была немного не в себе, но в сборах все же кое-как помогала. Аринка поначалу думала попросить деда Семена, чтобы он остался присматривать за усадьбой до ее продажи, но тот отказался наотрез:

— Моя помощь вам еще на новом месте пригодится, а тут и Ипат управится.

Ипат был доверенным приказчиком Аринкиного отца, частенько именно его отправляли торговать с обозами. Бобль, он в ту ночь дома не ночевал и потому остался жив, к тому же, зная его характер, Аринка предполагала, что и с новыми хозяевами он сумеет поладить. Дед же Семен и вправду будет незаменим при обустройстве на новом месте, ни одной мелочи не упустит. Вот и в ночь перед отъездом он подошел к Аринке со старым лаптем:

— Вот, возьми, а я угольков понесу.

Аринка настолько захлопоталась со сборами, что безропотно приняла обувку из рук Семена и только потом спохватилась:

— Ой, и правда, что это я? Совсем про домового забыла...

Когда все заснули, дед Семен вместе с Аринкой пришел к развалинам старого дома и ждал, пока она, положив лапоть под уцелевший остов печи, упрашивала батюшку-домового переехать с ними на новое место и собирала горсть еще теплых угольков из печи — взять с собой на новое место, чтобы там частица от родного очага с ними была.

Неожиданную и очень большую помощь в сборах оказал обозный старшина Илья — низенький шуплый мужичок, заросший волосом так, что лица было почти не видно, очень

деятельный и разумный. Он помог и советом, и руками своих обозников, и виртуозным умением торговаться — для того чтобы увезти все нужное, понадобилось прикупить пару телег с лошадьми, благо Аринке было известно место батюшкиной захоронки с серебром. Да и не все спасенное удавалось увезти с собой на новое место — скотину да кое-какое имущество проще было обменять на что-то более полезное.

С отцом Геронтием, как с представителем будущего покупателя, тоже пришлось поторговаться, но это уже не женская забота была. С ним повели разговор сначала Осьма, а потом уже и Лука Говорун. Первым делом заспорили о месте, где будет заключена сделка. Отец Геронтий, естественно, хотел, чтобы это произошло в Дубравном, а Осьма настаивал на приезде покупателя в Ратное. Решили, как говорится, «ни вашим, ни нашим» — и покупатель, и продавец должны были приехать в Княжий Погост, где купчую грамоту надлежащим образом составил бы боярин Федор.

Потом возникло новое затруднение — некого было ввести в права наследования. По Русской Правде в случае отсутствия наследников мужского пола имущество считалось выморочным и должно было отойти князю. Вообще-то наследники мужского пола у покойного Игната имелись — сын Григорий и брат Никита, но один был несовершеннолетним, а другой проживал в Турове, да и то неизвестно, находился ли он там в настоящее время, мог и уехать по купеческим делам невесть насколько.

Выход подсказал сам отец Геронтий: Григорию и его сестрам нужен опекун. И сразу предложил на эту роль себя! Аринке от такого счастья чуть дурно не сделалось. Ратнинцев, к ее немалому облегчению, такой поворот, похоже, не сильно обрадовал. Вот тогда-то и было пущено в ход самое грозное оружие — Лука Говорун. Уже на второй сотне слов ратнинского десятника, взявшегося с подробностями разъяснять окружающим тонкости такого непростого дела, как выбор опекуна, отец Геронтий смертно затосковал, а еще через краткое время махнул рукой и со словами: «Делайте, что хотите», — отошел в сторону. И тут Аринку будто толк-

нул кто-то в спину — и сама не поняла, как это ее угораздило. Не дожидаясь, что решат мужи, и не спрашивая брата, она шагнула вперед и, удивляя присутствующих, а более всего — самое себя, обратилась к ратнику Андрею. Земно поклонилась ему и произнесла:

— Молю тебя, честной муж, прими на себя тяготы заботы о сиротах. Отдаемся на полную твою волю и почитать тебя будем вместо отца.

Григорий пару раз удивленно хлопнул глазами и тоже склонился перед Андреем.

Лука заткнулся на полуслове.

Михайла как-то совершенно по-стариковски не то сказал, не то кашлянул: «Кхе!»

Ратник Андрей, и без того скупой на жесты и мимику, сначала и вовсе окаменел, а потом непонятно заскреб пальцами по подбородочному ремню. Только потом Аринка поняла, что он пытается его расстегнуть. Справился наконец с пряжкой, сдернул с головы шлем и склонился в ответном поклоне.

— Он согласен, — «перевел» Михайла.

Увеличившийся на несколько телег обоз в сопровождении десятка Луки Говоруна и отроков сразу от села направился в сторону Княжьего Погоста — из-за случившегося было решено прервать торговый поход и возвращаться в Погорынье. Аринка смотрела на скрывающееся за деревьями родное село со смешанным чувством — уезжали-то навсегда. Горько было оттого что покидает могилы родителей, но... только по ним и тосковала. Даже рада была, что тут не остается — на пепелище тяжело, муторно, каждый кустик о потере напоминает... нет, как бы ни сложилась дальнейшая жизнь, прежней уже не будет. Лучше сразу обрезать — это она после прошлой своей беды поняла. Дорого ей эта наука далась, едва в себя пришла....

Возницами на телеги со спасенным добром Аринкиного семейства Михайла посадил отроков, и она, только изредка отвлекаясь на младших сестер, могла без помех присматри-

ваться к порядкам в возглавляемом Ильей обозе, заметно отличавшимся от тех, что существовали в обозе купеческом. Строгий воинский распорядок чувствовался здесь во всем: и в том, что впереди постоянно находился дозор, и в том, как строго выдерживалось одинаковое расстояние между возами, и в беспрекословном подчинении всех без исключения приказам десятника Луки, и во многом другом.

Поначалу казался странным и даже смешным особый воинский язык, которым пользовались ратники и отроки, — четкие отрывистые команды и все эти «исполнять!», «слушаюсь!», «так точно!». Но постепенно Аринке стало ясно, что это не чья-то причуда, а строгая необходимость: именно из таких отличий и складывается разница между сборищем вооруженных людей и настоящей дружиной.

Одного никак не могла понять: отчего на нее обозники и кое-кто из ратников так странно косятся, будто не бабу видят, а какое-то чудо заморское. То, что некоторые, особенно кто помоложе, по-мужски отдают дань ее красоте — так это одно дело, к этому она привыкла, но чувствовалось, что дело не только в этом.

Осторожно попыталась расспросить братьев — в чем причина-то? А то словно она что-то не то сделала, а что именно, сообразить никак не могла. Гринька с Ленькой помялись, переглянулись. Гринька с сомнением почесал в затылке и выдал:

— Ну так из-за наставника Андрея, наверное. — Брат пожал плечами. — Да не знаю я... просто боятся его многие, особенно бабы. Я и то обалдел, когда ты его просить стала. Подумал — откажет, хотя я-то и не против совсем... С одной стороны, и хорошо оно — теперь тебя никто задеть не посмеет, мужи поостерегутся даже покоситься не так в твою сторону — под его-то защитой, а то сама понимаешь — ты вдова молодая да пригожая, мало ли... ведь он же бобыль. И женат не был никогда.

Не женат? От такого открытия Аринка обрадовалась, сама не понимая, чему именно. Почему не женат, ей сейчас было все равно.

А Андрей сам подъехал к обозу в первый же вечер на привале, как раз, когда поспела каша на костре — они ужинать собрались. Посмотрел на Аринку вопросительно. Она и без слов его сразу поняла — спрашивает, как устроились. Улыбнулась приветливо:

— Спасибо за заботу, Андрей Кириллович. Хорошо все. Присядь, отужинай с нами.

Андрей в ответ как-то странно взглянул, словно не понимая, что она говорит. Хотя чего тут такого-то? Не чужие же они теперь... Наверное, он бы и ушел, но тут вмешались Стешка и Фенька, которые совсем еще по-детски после ночевки в охотничьей избушке безоговорочно признали своими всех отроков, бывших там с ними, а заодно и Андрея. Да и неудивительно: после всех страхов, что девчонкам пришлось пережить, рядом с ними опять был большой и сильный муж, их защитник. К тому же Аринка успела им объяснить, что воин Андрей отныне их опекун и его надо почитать как близкого родича. Сказать, что как отца, не решилась — боялась лишний раз про их горе напомнить. Вот сейчас девчонки и выручили — с радостным писком повисли на Андрее с двух сторон:

— Дядька Андрей, дядька Андрей! Идем, у нас каша вкусная! Аринка готовила!

Они восторженно лепетали, уговаривая его остаться, а не ожидавший ничего подобного Андрей растерянно замер, опасаясь неловким движением ненароком зашибить мелюзгу. Впрочем, раздражения или досады в его глазах Аринка не заметила и потому кивнула сестренкам одобрительно:

— Давайте, давайте, ведите Андрея Кирилловича к нам.

Андрей помедлил еще чуть-чуть, потом подошел, кивнул ей благодарно и сел у костра рядом с дедом Семеном. И после ужина задержался — девчонки не отпускали, а он, кажется, не без некоторого интереса наблюдал за их возней. Аринка хлопотала в стороне и изредка посматривала на них. На сердце у нее было покойно, тепло и радостно — просто от того, что он сейчас рядом. Хотелось подойти, встать около, положить руки на плечи, как когда-то с Фомой. Вспомнила мужа и сама вдруг удивилась: и тому, что сравнила его с Анд-

реем, который совсем на Фому не похож, и тому, что впервые за все время не отозвалось это воспоминание острой тоской в сердце, а только печалью и грустью о прошедшем — видно, новая беда старую боль притупила. Аринка отвлеклась, устраивая девчонкам постель на телеге, еще подумала, что поздно, им уже спать пора давно — маленькие же, как еще не заснули-то на ходу? Обернулась и застыла, поймав странно растерянный взгляд Андрея.

Сам он, боясь пошевелиться, сидел в неудобной позе, а на коленях у него, свернувшись калачиком, мирно посапывала Фенька. Стешка, уже совершенно сонная, привалилась к нему сбоку и, хотя все еще старалась таращить глазенки, но тоже явно засыпала. А Андрей смотрел на Аринку, словно о помощи просил. Как же этот взгляд ее по сердцу полоснул — столько в нем было невысказанной тоски... о чем? О семье и детях, которых у него никогда не было, о матери... возможно, о матери его нерожденных детей?

«Господи, да что же он, ребенка никогда на руках не держал? Да как же это? Неужто и такой малости у него не было? Ну не своих, так братьев или племянников... а его и этим судьба обделила... За что?»

Осторожно приняв с колен у Андрея посапывающую и причмокивающую во сне Феньку, Арина кивнула ему на Стешку:

— Придержи ее, а то упадет.

— Не сплю я, — сонно пробормотала девчонка и тут же завалилась Андрею на плечо. Он неловко приобнял ее, прижал к себе, помедлил и подхватил на руки.

Аринка отнесла младшую сестренку к телеге, уложила, обернулась, чтобы идти за Стешкой. Андрей с ребенком на руках уже стоял рядом, а она и не расслышала, как он подошел. Богатырского сложения воин неловко, но бережно держал малышку — впервые в жизни привычные к оружию руки ощущали беззащитную хрупкость детского тела. Аринка почувствовала, что у нее на глаза наворачиваются слезы, непонятно, то ли от жалости к сестренкам, то ли от сочувствия к нему — обделенному столь простой человеческой радостью.